

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО
ПУТЬ КЕЙНА**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТИЯ**

**РЕЗОНАНС
ЭПИЦЕНТР
НЕГАТИВ. АТТЕСТАЦИЯ**

Цикл «ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

Цикл «ЭКЗОРЦИСТ»
**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл «ДОРОГА МЕРТВЕЦА»
**МЕРТВЫЙ ВОР
ЦАРСТВО МЕРТВЫХ
СВИТА МЕРТВЕЦА
ПОВОДЫРЬ МЕРТВЫХ
ГУБИТЕЛЬ ЖИВЫХ**

В соавторстве
с Андреем Кружом
**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл «СИЯТЕЛЬНЫЙ»

**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

Цикл «НЕБЕСНЫЙ ЭФИР»

**РЕНЕГАТ
РИТУАЛИСТ
(в двух томах)
РЕВЕНАНТ
РУТИНЕР**

Часть первая

РЕКУПЕРАЦИЯ

ГЛАВА 1

Зима — это холод, метели, короткие дни и длинные ночи. Зима вблизи Эпицентра — разная.

Нет, дни тут не длинней положенного этому времени года, в остальном же все упирается в удаленность от источника сверхэнергии. В пределах двадцать пятого километра продолжало царить знойное лето, Кордон застрял в теплом и дождливом сентябре, а вот в Новинске время от времени даже шел снег.

Впрочем, о погоде в городе я знал исключительно из писем Нины — сам туда с августа не выбрался ни разу. Сначала в силу известных событий просто не до того было, а потом закрутили служба и учеба, вкалывал без продыху и увольнений. То операторов на подстройку сопровождали, то трассу патрулировали, а декабрь и вовсе промелькнул, будто один нескончаемый день, — начали прибывать на инициацию соискатели зимнего набора.

Тут уж все на ушах стояли; довелось не только автоколонны сопровождать, но и роль санитара на себя примерить, благодарить за что, разумеется, стоило доцента Звоняря. Впрочем, мой случай таким уж вопиющим исключением из правил отнюдь не являлся: на основании нормального закона распределения вероятностей и опыта прежних лет в состав медбратьев включали даже операторов седьмого и восьмого витков. Не больше одного-двух, но все же включали. Кадровый голод, ага.

А так — работа как работа. Если разобраться, куда менее нервная, нежели контроль первой подстройки на Эпицентр. Соискатели в основе своей плохо переносили избыток сверх-

энергии, и за исключением каких-то совсем уж вопиющих происшествий срывы инициаций вредили исключительно им самим, окружающие обычно отделывались легким испугом.

Но что было, то прошло. Зимний набор обрабатывали вплоть до тридцатого числа, а сегодня — тридцать первое. Тридцать первое декабря, последний день года. И не только года...

Сегодня занятий в учебной части не было, и сразу после утренней зарядки и завтрака я отправился в расположение мотоциклетного взвода. Переоделся, натянув кожаные штаны, сапоги и плащ, поднялся в дежурку.

Толком еще не рассвело, да и небо затянули низкие свинцово-серые облака, лампочка под потолком едва-едва разогнала сгустившийся в комнате полумрак, но это обстоятельство никоим образом не мешало севшим расписать с утра пораньше пульку картежникам. Впрочем, мое появление все же заставило их отвлечься от игры; Данила Сигизмундович глубоко затянулся и вдавил окурочку папиросы в пепельницу, выдул струю дыма и усмехнулся.

— Ну что, Петя, последний выезд?

«Крайний», — привычно подумалось мне, но поправлять прапорщика не стал и кивнул.

— Так точно.

Захар Козодой — крупный и мясистый сержант, руководивший третьим отделением мотоциклетного взвода, порылся в бумагах и протянул путевой лист.

— Сегодня вы на сопровождении автоколонны в Новинск, — пояснил он на словах. — На обратном пути маршрут свободный. Короче, крутанитесь там по округе.

— Сделаем, — коротко сказал я, сунул сложенный надвое листок в нагрудный карман гимнастерки и кинул взгляд на настенные часы. — Пойду.

— Ни пуха! — махнул мне на прощанье Иван Черепица, которому не терпелось вернуться к прерванной игре.

— К черту!

Спустившись на первый этаж, я заглянул в оружейку, где получил ППС и подсумок с тремя снаряженными магазина-

ми, затем вышел на улицу под едва сыпавший с неба меленький-меленький дождь. Постоял немного, затем надел танковый шлем, натянул мотоциклетные очки, зарядил оружие.

Сыро, тепло, грязно.

Привычно сыро, привычно тепло, привычно грязно.

Декабрь.

Я вздохнул и двинулся к мотоциклу. Под навесами места хватало не всем, мой железный конь стоял укрытый брезентом. Последнюю неделю начало барахлить пусковое устройство, и движок завелся лишь с пятого толчка педали. Я в который уже раз помянул недобрым словом техников: те кормили завтраками и разбираться в причинах неисправности не спешили; откровенно тянули время, прекрасно зная о моем скором отъезде.

Жуки какие...

На выезде с территории авточасти отсалютовал курившему под козырьком караулки ефрейтору и, разбрызгивая колесами воду из луж, подкатил к дежурке пулеметчиков. Фома Коромысло, нахолившийся и недовольный, уже дожидался меня на крыльце. Подошел, забрался в коляску, закрепил на вертлюге сошки пулемета.

— Лучше б к Эпицентру отправили, — проворчал он, подняв воротник кожаной куртки.

— Лучше б, — согласился я, трогаясь с места.

Действительно — лучше. Там и сейчас тепло, а солнце взойдет, еще и дорога самую малость подсохнет. А к Новинску — наоборот: чем дальше, тем холоднее. Еще и грязные, будто свиньи, вернемся. Хотя в грязи по уши прикатим в любом случае, без этого никак...

Тимур сегодня загодя вышел на улицу покурить, и Фоме не пришлось дуть в свой монструозный свисток, он только махнул рукой.

— Шевелись давай!

Стрелок без всякой спешки приблизился и закрепил винтовку, затем потер бедро.

— Кости крутит, — пожаловался он младшему сержанту, забираясь на заднее сиденье. — Мне холод противопоказан!

— Пули тебе противопоказаны, — огрызнулся Фома. — Пока пулю не словил, ничего не болело и не крутило!

— Может, старею?

Пулеметчик насмешливо фыркнул и скомандовал:

— Погнали, Петя!

Я прибавил газу, и мы покатали по дороге от одной лужи к другой. Доехали до неприглядно-серого здания госпиталя и повернули налево, к выезду на Новинск. У блокпоста там уже стояли пяток автобусов, два броневика и грузовик со спаренными крупнокалиберными пулеметами в кузове; бойцы зенитного расчета в своих отсыревших шинелях смотрелись натуральными мокрыми курицами.

— Опоздали, что ли? — забеспокоился Фома, выбрался из люльки и побежал в караулку, но мог бы и не суетиться.

Случилась какая-то накладка, и мы еще четверть часа дожидались двух автобусов и отделение пехотинцев. Ну а дальше выдвинулись в головной дозор: Фома поглядывал в одну сторону, Тимур в другую, я следил за дорогой. И следил куда пристальней, нежели еще пару месяцев назад.

В ноябре на трассе обезвредили несколько взрывных устройств, а две недели назад на фугасе подорвался мотоцикл; тогда никто не погиб лишь чудом. Нас и самих как-то обстреляли при патрулировании окрестностей Эпицентра; так и не удалось понять, кто саданул из кустов дробью, поскольку разрушители ушли в тайгу задолго до прибытия егерей. Помимо этого случилось еще несколько серьезных инцидентов, и обстановка была... нервной.

Не могу сказать, будто радовался возвращению в учебное отделение комендатуры, но и по нынешнему месту службы тосковать не собирался. Вроде рутина, но постоянное напряжение сказывалось на психике не лучшим образом. И сам устал, и все кругом нервными сделались до крайности. Раньше хоть как-то удавалось дух перевести, а декабрь закрутил-завертел так, что и не продохнуть.

Но — не важно, уже не важно. Сейчас я управлял мотоциклом, время от времени протирал очки и следил за дорогой. В степь не съезжали: там по зиме мог увязнуть и танк.

Слева — пологие холмы, справа — опушка хмурого леса. Обзор аховый, еще и пасмурно, никак толком не рассветет.

Впрочем, сверхспособностям хмарь помешать не могла, и время от времени я открывался энергетическому фону, пытался уловить близкое присутствие операторов. Неизменно будто оплеуху получал, морщился и кривился, но своих попыток выявить возможную засаду не прекращал. Кто предупрежден, тот вооружен; все так.

Откуда неприятные ощущения взялись? Пара причин для головной боли катила рядом, еще под сотню поотстали в автоколонне. Мой нынешний потенциал — четыреста килоджоулей в противофазе, еще бы присутствие обычных операторов из колеи не выбивало! Нет, конечно, мог и нормальной энергией оперировать, а не остатки от входа в резонанс удерживать, только в этом случае чувствительность сокращалась на порядок. Вот и приходилось терпеть.

Понемногу дождь сменился серой моросью, заметно похолодало, встречный ветер стал пронзительно-стылым, даже захотелось прикрыть чем-нибудь лицо. На дороге начал появляться ледок, в одной подмерзшей луже едва не засели намертво, а не такой уж и крутой подъем заставил мотоцикл пойти юзом, едва-едва заползли на холм.

— Чтоб тебя! — выругался там Фома, ухватил бинокль и поднес его к лицу. — Стой!

Да я и сам увидел перегородившие дорогу метрах в ста от пригорка грузовики. Те стояли впритирку, рядом суетились три мужика. Точнее, не суетились, а размахивали руками и орал друг на друга так, что отдельные отголоски ругани доносились даже до нас.

— Дерьмо! — выругался и Тимур, выдернул из креплений винтовку и приложился к ней, разглядывая транспорт в оптический прицел.

Судя по всему, при обгоне один из грузовых автомобилей занесло и полуторки сцепились бортами, полностью перегорев проезд. А еще их попыталась объехать по обочине телега, но колеса увязли в грязи. С противоположной стороны — глубокий кювет. Приплыли.

— Нашим сообщи! — приказал снайперу Фома Коромысло, опустив бинокль. — Пусть сбросят скорость. Петя, ходу!

Я сглотнул и добавил газу; мотоцикл будто нехотя тронулся с места и покатил под горку. Но — нет, не хотелось ехать отнюдь не ему, а мне.

Ну в самом деле — поди пойми, случайно авария стряслась или это нас диверсанты поджидают? Тут волей-неволей поджилки трястись начнут.

— Вплотную не приближайся, — предупредил меня младший сержант. — Остановись метрах в тридцати. И от кустов подальше. Да, нормально. Иди!

Идти? Я обреченно вздохнул, вооружился пистолетом-пулеметом, дернул рукоятку затвора, и не могу сказать, будто сочный металлический ляг придал хотя бы малую толику уверенности. За последние месяцы мне не раз и не два доводилось участвовать в проверках документов на пару с Фомой и даже самостоятельно, но там ситуации были не чета этой.

Сапоги влажно чавкали в грязи, я с натугой выдираю их и пытаюсь уловить присутствие операторов, но только заработал головную боль. У грузовиков ругались обычные люди, и, к слову, махали руками лишь двое из них — третий, пребывавший в меньшинстве, готовился подкрепить свою позицию заводной рукояткой двигателя. В кузовах и придорожных кустах операторы тоже не прятались, но на сверхэнергии свет клином не сошелся, пулю словить — тоже хорошего мало.

На мое приближение сыпавшая матом троица не обратила никакого внимания: мужики продолжили драть глотки, кроя друг друга почем зря. Я заранее взял правее и для начала убедился, что никто не скрывается за стоявшим чуть наискось грузовиком, затем дернул стволом пистолета-пулемета, и тянувший лошаадь за уздцы возница оставил животину в покое, попятился с обочины на дорогу.

Я последовал за ним и скомандовал:

— Руки!

Мужики мигом перестали горланить и уставились на меня с нескрываемым изумлением. Пришлось повторить:

— Руки, сказал! Стойте так, чтобы я их видел!

Шофер с заводной рукоятью сплюнул и в запале спросил:

— А то шо?

— Пулю схлопочешь! — пообещал я в надежде, что заявленные прозвучит решительно и твердо.

Не могу сказать, будто угроза напугала — шоферы народ бывалый, — но свое действие все же возымела, и мужик отложил железяку на капот грузовика.

— Ты оружием-то не тычь! — угрюмо произнес он. — Пальнешь ненароком...

— Я сейчас специально пальну! Вы что устроили, паразиты? Да за создание помех проезду спецтранспорта с вас шкуру спустят! Это ж натуральная диверсия!

Шоферы начали что-то доказывать, но выслушивать их не было ни времени, ни желания, и я скомандовал:

— От машин отошли! — После заглянул сначала в одну кабину, затем в другую и потребовал: — Документы и пропуска! Подходи по одному!

ППС я оставил болтаться на ремне и вытянул из кобуры ТТ. Оператор я или нет — так сразу никто из этих гавриков не поймет, а человек с пистолетом — это человек с пистолетом. С таким шутки плохи. Начнешь дурить — пальнет. И я пальну, да.

Разрешения на проезд по закрытой территории у всех оказались в полном порядке, кругом было тихо, а время поджимало, и я рискнул помаячить Фоме. Тот подъехал на мотоцикле, мельком глянул предъявленные шоферами удостоверения и путевые листы, затем куда более придирчиво изучил бумаги возницы. Не преминул проверить и содержимое телеги. После откинул задний борт сначала одного грузовика, следом другого и потребовал объяснений у виновников затора.

— Я на обгон пошел, а этот дурилка руль вывернул! — заявил тот, что до моего появления размахивал заводной ручкой.

— Врешь! — завопил один из его оппонентов, бородатый и кудлатый. — Я тебя пропустил, а ты меня на обочину выдавливать начал! Миша, докажи!

— Хватит! — рявкнул Фома Коромысло, а когда все заткнулись, спросил: — Чего дорогу перегородили? Почему не разъехались?

— Так сцепились, — развел руками бородач.

Младший сержант протянул руку и снял висевший на моем плече ППС, затем попросил:

— Петя, глянь!

Я уже без особой опаски навалился на капот одного из автомобилей и обнаружил, что при столкновении его бампер надорвал крыло второго автомобиля. То загнулось и острым краем распорол боковину шины, но окончательно не отлетело. Работы тут было на десять минут, но это если совместно проблему решать, а не орать, что сейчас косорукому уроду голову проломишь.

— Ну как? — нетерпеливо спросил Фома Коромысло.

— Ерунда.

— Сам справишься?

— Легко!

Шоферы хором запротестовали, но стоило только Фоме пообещать уложить их мордами в грязь, мигом заткнулись. Я времени попусту терять не стал, вжался в зазор меж кабин и вытянул руку.

Плазма — это просто. На самом деле — нет конечно же, но после двух месяцев упорных тренировок мне и в самом деле ничего не стоило сотворить плазменный резак.

Сгенерировать напряжение. Ионизировать и нагреть. Создать избыточное давление.

По отдельности ничего из этого сложностей вызвать не могло, да и скомпоновать сразу несколько процессов в единое целое тоже проблемы не составляло. Чай не первый раз — сколько на полигоне камней изрезал, и не сосчитать.

Меж пальцев заискрила дежурная дуга, а стоило только начать нагнетать давление, и сразу вспыхнуло ярко-красное жало ионизированной воздушной струи. Приблизил руку к загнутому крылу, и полетели искры. Раз! — и, чавкнув, упал в грязь и легонько зашипел кусок аккуратно отрезанного металла.

Дистанционно провернуть такой трюк, пожалуй бы, не вышло, но вот так, практически на ощупь, любому слесарю фору дам.

— Готово! — объявил я, забрал у Фомы оружие и отошел к мотоциклу.

— Быстро к обочине прижались! — тут же скомандовал младший сержант. — Ты первый! Давай шевелись! — поторопил он виновника аварии, потом прикрикнул и на второго: — Эй, борода! Не спи, заводи мотор!

Мужики принялись крутить ручки стартеров, а когда первый забрался в кабину и тронулся с места, Фома мигом вскочил на подножку и указал, куда именно следует отогнать автомобиль, чтобы освободить дорогу и оставить место для маневра второй полуторке. Бородача он тоже проконтролировать не преминул, после выстроил водителей на обочине и предупредил:

— Руки на виду держите! Сейчас колонна пройдет, и катитесь, куда хотите. Только телегу выдерните сначала!

Со стороны Новинска показались два грузовика и броневик, младший сержант выругался и подбежал к мотоциклу.

— Контролируй их, — приказал Фома, а сам с красным флажком бросился на перехват встречного транспорта.

Заминка оказалась недолгой: почти сразу броневик с грузовиками прижались к обочине, и очередного затора не случилось. Минуту спустя через холм перевалила наша автоколонна; на полной скорости автобусы промчались мимо, полетели из-под колес брызги грязи. Нервы так и свело в ожидании взрыва или обстрела, но бог миловал, обошлось.

Дальше пришлось возвращаться за прикрывавшим нас Тимуром, а потом гнать как сумасшедшему, наверстывая отставание, но и так обошел автобусы только у самого Новинска, когда до контрольно-пропускного пункта оставалось рукой подать. В городе сопровождать колонну приказа не было, забежали выпить чая и погреться в служебный буфет.

— По пятьдесят грамм? — предложил потиравший озябшие руки снайпер.

— Не дело это, — решительно отказался Фома. — Вернемся — выпьем.

— Так мы когда еще вернемся! — возразил раздосадованный отказом Тимур. — А согреться прямо сейчас надо!

— Кстати! — встрепенулся я, глотнув чая. — Вы о каких-то горячих источниках, помнится, толковали. Это далеко отсюда?

Стрелок презрительно фыркнул.

— Я наружным греться не согласен, только внутренним!

— Да просто интересно, туда вообще сильно сложно доб-
раться? — пояснил я свою мысль. — Если от Новинска? Я бы
подружку взял...

Фома рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— В правильном направлении мыслишь. Покажем!

Тимур кивнул с кислым видом.

— Покажем, ага. Нам так и так северной дорогой возвра-
щаться, там совсем небольшой крюк выйдет. Черный омут
помнишь? Вот километрах в пяти к северо-востоку от него.

Я разочарованно вздохнул.

— Да уж, своим ходом из Новинска замучаешься пилить.

Фома Коромысло только руками развел.

— Сложности нужны для того, чтобы их преодолевать! Ве-
лосипеды в прокате возьмете, в конце концов. С Черным
омутом, кстати, тоже не все просто: вода круглый год при-
мерно одной температуры. Там даже зимой купаются.

— Все равно далековато, — досадливо поморщился я, до-
пил чай и предложил: — Ну что, выдвигаемся?

Затягивать патрулирование откровенно не хотелось,
и причин тому было превеликое множество. Начать хотя бы с
того, что мне еще с Кордона в Новинск мотоцикл перего-
нять, да и в городе дела — одно неотложней другого.

Вышли на стылый ветер, забрались на мотоцикл, и вот тут
уж я его еле завел, с минуту провозился — не меньше. Впро-
чем, был у морозца и несомненный плюс: грязь прихватило,
ехали будто по брусчатке, еще и брызги из-под колес не лете-
ли. Заносило, конечно, немного на ледке, но после съезда с
трассы замерзшие лужи попадались нечасто, все больше
трясло на кочках и сосновых корневищах. А в лесу еще и ве-
тер стих — красота, да и только. Но лето с его жарой и пылью
мне, положи руку на сердце, все же нравилось несравненно
больше.

Минут пятнадцать — двадцать мы катили по узкой изви-
листой дорожке едва ли не со скоростью пешехода и за все
это время не встретили ни единой живой души.

— Может, на пасеку заедем? — предложил Тимур. — Медовухи попьем. Или пивка с медом горячего, а?

— Да ну тебя! — отмахнулся Фома. — Зря мы сюда по такой погоде поперлись, нет здесь никого. Петя, давай на следующей просеке направо, она напрямик к трассе идет. А горячие ключи сам найдешь. Они на всех картах обозначены, посмотришь в комендатуре.

Но сворачивать на просеку не пришлось, я загодя притормозил и остановился у перекрестка, отмеченного двумя полосою примятого снега.

— Легковушка, — с первого взгляда определил Тимур и неуютно поежился. — Что-то мне это напоминает. Может, ну его к лешему, а?

Фома выбрался из люльки, походил туда-сюда, затем указал в сторону озера и хмыкнул.

— Свяжись с дежурным, — попросил он снайпера. — Вдруг у них информация по транспорту есть. Узнай, какие легковые автомобили в направлении Кордона пропускали.

Тимур досадливо поморщился и зажмурился, а пару минут спустя шумно выдохнул и мотнул головой.

— Порядок! — уверил он нас. — Какие-то мажоры перед Новым годом развеяться решили. Не наши клиенты, чего им мешать?

Но младшего сержанта такой ответ не устроил.

— Цель выезда? — требовательно спросил он.

— Групповая медитация, — ухмыльнулся Тимур. — Два богатеньких мальчика, две смазливенькие девочки — отчего бы им не помедитировать совместно? — Он согнал с лица ухмылку и уже совершенно серьезно произнес: — Заявку они не оформляли, эту ерунду наплели на пропускном пункте. Два часа назад дело было.

Фома махнул рукой.

— Да и черт с ними! — объявил он. — Петя, погнали!

Дважды просить меня не пришлось; я завершил разворот и покотился к трассе.

Когда приехали на Кордон, у меня зуб на зуб не попадал. Нет, по мере приближения к Эпицентру воздух заметно теп-

лел, только этого было откровенно недостаточно, чтобы прогнать озноб, вызванный получасовой ездой на студеном ветру. И даже так в душ я не пошел, не стал и переодеваться. Забежал отметить в дежурную часть и в сопровождении сержанта Козодоя двинулся в каморку лейтенанта.

Взводный поднялся из-за стола и протянул руку.

— Даже отпускать не хочется, — усмехнулся он. — И не отпустил бы, но тут уж деваться некуда: нас перед фактом поставили.

— Я и сам был бы рад остаться, Игорь Юрьевич... — промямлил я в ответ, определенно покривив при этом душой.

Устал — да. Впрочем, и обратный перевод в Новинск радовал отнюдь не возвращением в комендатуру. Век бы своих бывших сослуживцев не видеть.

— Ничего-ничего, учеба — это святое! Мы тут тебе на прощанье подарок организовали. На добрую память! — объявил лейтенант и подмигнул прапорщику. — Так ведь, Данила Сигизмундович?

— А то как же! Подарок — всем подаркам подарок!

Мелькнула мысль, что мне от щедрот зампотеха обломится кожаная куртка, которую пришлось сдать на склад, но разбазаривать подотчетное имущество прапорщик не собирался.

— Поздравляю с присвоением очередного воинского звания, ефрейтор Линь!

Честно говоря, едва челюсть от удивления не отвисла. И нет — это была вовсе не шутка. Взводный помимо приказа сразу выдал еще и лычки.

— Спасибо, Игорь Юрьевич, — пролепетал я.

Натуральным образом пошла кругом голова, и в коридор я вышел изрядно сбитым с толку.

— Захар, это как вообще, а? — обратился там к командиру отделения. — По штатному расписанию взвод ефрейторами полностью укомплектован!

— У нас — да, — ухмыльнулся сержант. — А что там с этим у вас в комендатуре, комбата не колышет. Ему представление закинули, он поржал и подписал. Тебя ж на конец года у нас уже не будет, в отчетность не попадешь. Учись, Петя, как дела делаются!

Я озадаченно хмыкнул, зашел в дежурку, попрощался там со всеми, заодно привел нашивки в соответствие с новым званием. Пусть по возвращении в учебное отделение комендатуры запросто могут разжаловать обратно в рядовые, но во всем должен быть порядок. До конца дня я — ефрейтор. Надо соответствовать.

Заправив мотоцикл, я погрузил в люльку вещмешок и фанерный чемоданчик с пожитками, покинул территорию авточасти и заехал в канцелярию батальона. Там на все формальности не ушло и десяти минут, несравненно дольше получал расчет. Сначала счетовод с засаленными нарукавниками мучительно медленно высчитывал мое декабрьское жалованье, затем пришлось выстоять очередь в кассу. Но ожидание окупилось сторицей: на руки выдали двести пять рублей сорок копеек.

Откуда столько набралось при окладе в сотню? Да буквально — с миру по нитке.

Четвертной — надбавка за профессию, пятерка — за статус отличника-парашютиста. Тридцатка — доплата за вредность: как оказалось, каждый заезд на территорию Эпицентра прибавлял к довольствию рубль. Остальное пришло от института: их тариф был скромнее и составлял пять копеек за каждый румб сопровождения соискателей. Меня обычно саживали при первой же инициации, но и так набежало сорок пять рублей с полтиной.

Плохо разве? Вовсе нет.

К слову, за ассистирование доценту Звонарю при подстройке операторов с каждого оператора мне капало пятьдесят копеек. Не могу сказать, будто прямо разбогател, но с учетом премии в размере оклада за участие в контрдиверсионной операции скопить удалось весьма и весьма немало.

Я устроился на подоконнике в глухом закутке и принялся пересчитывать мятые банкноты разного достоинства, среди которых преобладали зеленые трешки, синие пятерки и красные червонцы. Насчитал огромную по моим меркам сумму в семьсот двадцать рублей.

Шик, блеск, красота!

Спрятав деньги, на которые имелись вполне определенные планы, я отправился в столовую при госпитале и плотно там пообедал, а после, как и было условлено, задержался подхватить Аркашу Пасечника и Никиту Алтына.

Ну да — вот уж воистину удивительное дело, но с мясистым егерем мы в итоге очень даже неплохо поладили. Тут много всего сказалось, но в первую очередь свою роль сыграл тот факт, что это именно его отделение выволокло меня с десятого витка Эпицентра в тот день, когда...

В общем — в тот день. Точка.

Вспоминать об известных событиях категорически не хотелось, а официально вспоминать и нечего было; просто в ходе тренировочного полета из-за допущенной пилотом ошибки произошло крушение самолета и погибли четверо авиадесантников, а выживший летчик был взят под арест. Разумеется, шила в мешке не утаишь, и шептались на Кордоне о всяком, но именно что шептались. И вот эта невозможность открыто рассказать о случившемся посторонним, некая избранность даже, и сблизила меня с егерями. Сначала, конечно, пришлось перебороть себя и поставить парням выпивку, ну а потом здороваться начали, так дальше и пошло все само собой. Сдружиться не сдружились, но вполне себе приятельствовали.

Второго числа егерей отправляли на зимние маневры — подальше от Эпицентра, в мороз и снега, а сегодня и завтра всем желающим полагалось увольнение, и я взялся подвезти Аркашу и Никиту в Новинск. Им попутку не искать, мне одному по трассе не ехать. Взаимная выгода, с какой стороны ни посмотри.

Долго ждать егерей не пришлось. Поздоровались, и Алтын устроился в коляске, а мой бывший одноклассник — на заднем сиденье.

— Застегнись, продует, — предупредил я Никиту, который шеголял нагрудным знаком «За отличную службу» и потому ходил нараспашку в любую погоду. — На Кордоне — нормально, а на трассе мигом просквозит.

Вообще эта награда была предметом моей тайной зависти, еще и поэтому шинель запахнуть посоветовал, чего уж греха таить. Вдвойне обидней было из-за того, что знак полагался и

мне, да закрутилась та кутерьма с обвинением в убийстве, и комбат в сердцах отозвал представление, ну а когда во всем разобрались, было уже поздно — поезд ушел. Обидно, досадно, но жив остался — уже хорошо.

Вот снайпера нашего Голыша солдатским крестом по-смертно наградили — ему от этого легче, что ли? В отличие от событий второго сентября подробности перехвата диверсантов рассекретили почти сразу; лейтенанту и Лизавете Наумовне вручили медали за отвагу, да и я себя обделенным отнюдь не считал: сто рублей на дороге не валяются.

— Застегнись-застегнись! — добавил я, поскольку Алтын только фыркнул в ответ. — А то вместо танцев будешь сопли на кулак наматывать!

— Как скажешь, мамочка! — фыркнул Никита и все же запахнул шинель.

Впрочем, этой бравады хватило минут на двадцать — на полпути к Новинску заметно похолодало, там он и застегнулся, и воротник поднял. Даже меня в кожаном плаще встречным потоком воздуха до костей пробирало, что уж о тоненьком драпе говорить!

Когда я высадил егерей у остановки трамвая, они принялись пританцовывать и размахивать руками, пытаясь согреться и разогнать кровь по жилам. А мне — нормально. Я — привык.

— Увидимся! — отсалютовал я напоследок и покатил в комендатуру.

На сердце было беспокойно. Пусть и гнал дурные мысли, уверяя себя, будто ситуация за прошедшие месяцы поменялась кардинально и никому не позволю на себя давить, но от неизбежной конфронтации с Федей Маленским противно ныло под ложечкой. Борю-то я мигом приструню при необходимости, а вот с Барчуком придется пободаться.

Но — плевать! Справлюсь!

Запустили меня на территорию без единого вопроса, в авточасти тоже обошлось без проволочек. Думал, придется самолично мотоцикл мыть, но нет — дежурный техник только рукой махнул.

— Брось! Наряды на мойку техники у ваших оболтусов на неделю вперед расписаны. Выдраят так, что блестеть будет!

— Здорово! — обрадовался я и начал с помощью шланга избавлять плащ и сапоги от подсохших брызг грязи. — Да! Еще стартер барахлить начал. Глянете?

— Запишу, посмотрят.

— Спасибо!

Я закинул на одно плечо ремень пистолета-пулемета, на другое повесил вещмешок, подхватил чемоданчик и двинулся к зданию комендатуры. Там первым делом зашел в оружейную комнату, разрядил и сдал ППС и ТТ. По идее, еще числился в оперативном резерве и мог придержать табельное оружие до конца дня, но куда оно мне? Не брать же в город! А что привык постоянно на поясе тяжесть кобуры ощущать — то не беда: как привык, так и отвыкну. Ерунда.

После оружейки ходил в канцелярию и сдал стопку бумаг, а заодно и учетную книжку. Затем уже двинулся в казарму. На стук никто не ответил, отпер дверь комнаты своим ключом, огляделся. Вроде все как было, так и осталось, и все же обстановка неумовимо изменилась. Обжитой, что ли, комната стала? Пожалуй, так.

Но моя кровать стояла пустой, так что задвинул под нее чемоданчик и развесил одежду в шкафу, потом встал у окна, раздумывая, как быть дальше. Стоило бы показаться на глаза Дыбе, но это могло и подождать. Увольнительная до двадцати трех ноль-ноль завтрашнего дня была на руках, и выяснять мнение старшины на этот счет совершенно не хотелось. Хватит уже того, что канцелярия в курсе.

Переодевшись в полевую форму, я подхватил вещевой мешок и спустился на улицу, оставив плащ в шкафу. На улице было не так уж и холодно, да и на своих двоих передвигаться — это не на мотоцикле нестись, когда ветром всего так и пронизывает. Опять же и бежать недалеко, всего-то до соседнего квартала; Василь в одном из писем подробно дорогу расписал, плутать не придется.

И все бы ничего, но на подходе к контрольно-пропускному пункту наткнулся на возвращавшееся из училища отделение с Федей Маленским во главе. Общее количество курсан-

тов не претерпело изменений, а вот состав заметно отличался от прежнего. Не было видно девушек, да еще куда-то запропали братья-пролетарии, на смену им добавилось несколько незнакомых парней. И, разумеется, просто разойтись не вышло.

— Курсант Линь! — расплылся Федя в улыбке, не предвещавшей мне ничего хорошего. — Что за безобразие у тебя с нашивками?! Немедленно привести их в порядок! Немедленно!

Боря Остроух аж захрюкал от удовольствия, да и новички заухмылялись, но на них — плевать. По уму, наглеть не стоило, вот только для себя я загадал пойти на обострение ситуации при первой же возможности, поэтому в ответ улыбнулся ничуть не менее мерзко.

— Ты, Федя, говори-говори, да не заговаривайся!

Маленский стиснул кулаки и шагнул вперед. Думал — ударит, но и мысли не возникло принять защитную стойку, да и сдачи бы давать не стал, утерся. Накатал бы потом рапорт — и все, после такого в заместителях командира не удержаться.

Увы, Барчук понимал это не хуже моего и на людях махать руками не решился.

— Я. Тебя. Предупредил! — процедил он, размеренно роняя слова.

— До двадцати четырех ноль-ноль ты, ефрейтор Маленский, для меня полный ноль, — заявил я и двинулся прочь, на ходу поздоровался с Василем, кивнул Мише Поповичу и вышел за ворота, там только шумно выдохнул и разжал судорожно стиснутые кулаки.

Ух! Вот это хватанул адреналина на пустом месте! Вроде ерунда на постном масле, но не люблю такую нервотрепку, и все тут. Будто в выгребную яму окунулся. Неприятно.

Я прибавил шагу и очень скоро отыскал магазинчик готового платья. Тут же располагалось ателье, в котором можно было пошить костюм на заказ либо же подогнать по фигуре фабричный. На мою удачу, заведение в преддверии празднования Нового года закрыться не успело, иначе остался бы без подходящего наряда: мало того что штаны и поло не годи-

лись для нынешней погоды, так еще и просторная вроде бы рубаха стала откровенно узковата в плечах. Из дома, конечно, прислали теплые вещи, но за исключением шерстяных носков и кальсон с начесом ничего полезного в посылке не оказалось.

— Да-да, молодой человек... Чем могу помочь? — приободрил меня то ли приказчик, то ли владелец магазина, когда я подошел к прилавку.

— Я от Василя. Он должен был передать мерки и договориться о подгонке костюма.

На Кордоне ничего подходящего найти не смог, вот и пришлось задействовать связи сослуживца, который, такое впечатление, знал решительно всех. Единственное — без примерки шить костюм я не рискнул и заказал подгонку по размерам готового.

— О! Минуту!

Мне выдали костюм-тройку из темно-серой шерсти, кое-где сметанный на живую нитку, который после совсем небольшой подгонки сел так, словно был пошит именно на меня. Широкие штанины, свободный крой пиджака — нигде ничего не давило и не стесняло движений. И не болталось, что тоже немаловажно.

Пиджак и брюки унесли в ателье, и за отгородившей ту часть занавесью немедленно застрекотала швейная машинка. Ну а я прошелся меж вешалок и выбрал две сорочки — белую и синюю, после спросил:

— Сколько?

Вместо этого услышал в ответ:

— Подтяжки свои или возьмете у нас?

Точно, подтяжки! Эти брюки нужно было носить с помощами, а у меня не было ни их самих, ни опыта обращения с оными.

— Возьму, да.

— Головной убор?

И вновь я не сразу нашелся с ответом. Сорить деньгами не хотелось, но моя панاما к костюму нисколько не подходила, а о старой гимназистской фуражке и вспоминать не стоило. Не то, все не то.

— Кепка, пожалуй.

Фуражки я отмел сразу, в шляпе был бы смешон, а вот кепка должна была придать вид заливчатский и отчасти даже хулиганистый. Благо даже выбирать из представленных образцов не пришлось, это сделал продавец, отыскав головной убор, пошитый из материала той же расцветки, что и костюм.

И да — кепка понравилась. Точнее — понравилось, как выгляжу в ней, когда посмотрелся в зеркало.

А вот что не понравилось — так это озвученная итоговая сумма. Запросили с меня за все про все ни много ни мало триста девяносто пять рублей.

Покривился мысленно, но виду не подал, извлек из кармана стопку банкнот, отсчитал требуемую сумму. Заодно договорился о том, чтобы перешли еще и летние прогулочные штаны с рубахой-поло; внес пятерку задатка.

Форму я убрал в вещмешок, вышел на улицу уже в костюме, предварительно убив минут пять на попытки совладать с подтяжками. Справился в итоге с помощью продавца: тот отрегулировал все как надо, помог стянуть на спине и застегнуть все пуговицы на креплениях, а после порекомендовал не пренебрегать жилеткой, дабы случайно не фраппировать видом помочей почтенную публику.

— Советую сразу пошить вторую пару брюк, — сказал он напоследок.

Поблагодарив его за совет, я покинул лавку и двинулся по улочке, параллельной той, на которой располагалась комендатура, чтобы вскоре отыскать комиссионный магазинчик, где в том числе торговали и обувью. Армейские ботинки в сочетании с костюмом смотрелись очень уж топорно, требовалось что-то более изящное и модное, но при этом и функциональное. И неношеное, точнее — без явных следов износа.

Лавку эту, как и предыдущее заведение, подсказал Василь, на него я и сослался. Хозяин насчет предпочтений и размера справляться не стал, сразу принялся рыться под прилавком и после недолгой возни выставил на прилавок черные полуботинки с закрытой шнуровкой. Вполне классические на вид, но с закругленными носками, что отчасти придавало

им небрежно-спортивный вид. Только взял их и сразу уловил запах свежей кожи.

Новенькие! Неношеные!

И пусть это были не лакированные туфли или столь обожаемые эпатажными модниками двухцветные корреспонденты, несомненным был и тот факт, что запросят с меня никак не меньше полутора сотен, а я столь серьезную трату позволить себе, пожалуй, не мог.

— Девяносто за пару, — проскрипел простуженным голосом плюгавый скупщик всего и вся, трубно высморкался в замызганный носовой платок и добавил: — Полуброги, последний писк моды!

Так оно и было. За недельную поездку по железной дороге я успел проглядеть все модные журналы Лии, и там это название встречалось не раз и не два. Обычно в связи с каким-нибудь айлским принцем.

Но девяносто рублей за пару?

Я придиричиво изучил подошвы и швы, помял кожу, озадаченно взглянул на обувщика.

— Серьезно?

— Я похож на шутника? — прогундосил тот в ответ. — Так берешь или нет?

Наверное, стоило поинтересоваться причиной столь подозрительной дешевизны, но я промолчал, решив справиться на этот счет у Василя. Впрочем, и вот так сразу за деньгами не полез, для начала принялся расшнуровывать собственные ботинки.

— Сначала примерю.

— Примеряй не примеряй, единственная пара осталась. Специально для тебя придержать попросили.

Оборотистости Василя оставалось только позавидовать, но я заморочить себе голову не дал, переобулся и прошелся вдоль прилавка. Как это обычно и бывает с новыми ботинками, те немного давили, но пальцы в носок не упирались, да и колодка не ощущалась чрезмерно узкой. Просто новая неразношенная обувь.

Новая!

Дальше я терпение продавца испытывать не стал и выложил на прилавок девять червонцев, а после требовал пару газетных листов, в которые завернул свои ботинки, прежде чем уложить их к форме в вещмешок.

Ну, все — к празднованию Нового года готов!

Хотелось петь и танцевать, настроение не портило даже грядущий конфликт с Маленским. Плевать я на него хотел! На все плевать! Сегодня я встречаю Новый год с Ниной!

Перед поездкой в «СверхДжоуль» пришлось заскочить в казарму, и на этот раз Василь оказался в комнате. Он стоял перед зеркалом и брился, не прекратил избавляться от щетины и при моем появлении, только расплылся в широченной улыбке.

— Ну, Петя, ты и дал! У Барчука разве что дым из ушей не валил!

— Перебесится, — отмахнулся я с показной беспечностью.

Но я точно знал: нет, не перебесится, и мой сосед полагал ровно так же.

— Боря молодым все уши прожужжал, как тебя строить будут, а ты их так обломал.

— Вот меньше всего меня Борины проблемы волнуют.

— А это не Борины проблемы. Учти — Федя этого так не оставит. Иначе молодые бояться перестанут.

Я пожал плечами.

— Поживем — увидим, — развесил форму и спросил: — А чего на учебу не в полном составе ходили? Остальные где?

— В полном, как не в полном? — удивился Василь. — А! Ты просто не писал давно, вот и не в курсе, что теперь у нас учебный взвод. «Псы» и Макс — это который с седьмого витка, — теперь заместители командиров в других отделениях. И еще женское отделение сделали. Там Машка Медник замком.

— Да иди ты! — удивился я. — Она ж тупая!

— Сам удивляюсь! Такое впечатление, недалеко просто прикидывалась, — покачал головой мой сосед по комнате. — А еще поговаривают, перед назначением с кем-то из руковод-

ства долгую беседу имела. — И он многозначительно добавил: — О-о-очень долгую. На всю ночь. И теперь не она за Федей бегают, а наоборот.

Я озадаченно хмыкнул, а потом прищелкнул пальцами.

— Слушай, а почему тебя не назначили?

Сказал и сообразил, что невзначай ткнул в больное место, но Василь пренебрежительно фыркнул.

— Очень надо! У меня другие планы. Заранее говорить ничего не буду, чтоб не сглазить, но киснуть в комендатуре не собираюсь. Есть варианты лучше, знаешь ли!

Приставать с расспросами я не стал и указал на ботинки.

— Гляди, какую красоту взял всего за девяносто!

— Транжира!

— Да они полторы сотни точно стоят!

Василь смерил мою обновку оценивающим взглядом и покачал головой.

— Не, им сотня — красная цена.

— Скажешь тоже! Самое меньшее сто двадцать. Я удивляюсь, что мне так дешево отдали.

— Контрабандные, может? Или размер неходовой? — предположил Василь, отложил бритву и принялся вытирать лицо полотенцем. — Не вникал, честно говоря. Повода не было. Мне мои носить не переносить.

— Вы в город сейчас? — спросил я.

— Да, но Варька еще полчаса точно прихорашиваться будет.

— Тогда побегу. С наступающим!

— С наступающим, Петя!

Пока шел до трамвайной остановки, слегка продрог и в очередной раз пожалел о летней кожаной куртке. Но не в плаще же на праздник идти! Несерьезно. Только бы к вечеру еще сильнее не похолодало, а то так и простыть недолго.

Мелькнула мысль навестить Льва, но уже не успевал по времени, решил ехать напрямиком на Народную площадь. Ничего! Ко Льву завтра загляну. До самого вечера буду свободен как ветер, вот и проведу.

Только подумал о ветре, и тут же студеным порывом до костей пробрало. Ладно хоть еще трамвай сразу подъехал, заскочил в него и с облегчением перевел дух. Затем огляделся и решил, что знобит меня то ли с непривычки, то ли и вовсе нервозность сказывается. Из пассажиров в куртках и пальто было лишь несколько человек, в основном все ограничились пиджаками, разве что многие поддели под них пуловеры. Среди прохожих — та же картина. Да и барышни красовались в кофтах, жакетах и шерстяных чулках. В плащах — единицы.

Сойдя на привокзальной площади, я первым делом посетил главпочтамт, отбил домой короткую телеграмму и отправил новогоднюю открытку, а еще сделал почтовый перевод, переслав сто рублей на подарки. Пусть с января снова на курсантское довольствие сяду, серьезных трат в обозримом будущем не предвиделось, а на развлечения и походы в кафе заначенной сотни надолго хватит, если не шиковать.

Презент Нине? Этим я озаботился заранее и еще собирался купить букет, но поглядел на расценки в цветочных палатках и заколебался. Опять же, ну куда Нине этот веник? Весь вечер с ними таскаться придется, а то и до самого утра.

Но так далеко загадывать я не стал, забежал в парикмахерскую, постригся и побрился, а после позволил мастеру пару раз пшикнуть на себя одеколоном. Расплатился, вышел и забрался в кабинку чистильщика обуви. Когда тот надраил мои полуботинки, я встал перед витриной, поглядел на свое отражение и поправил кепку.

Хорош! Нет, действительно — хорош.

Будто и не Петр Линь это, а какой-нибудь студент. Нина точно оценит.

Я оглянулся на башенку вокзала с часами и обнаружил, что в «СверхДжоуле» уже полчаса как запускают на новогоднее сборище, вот и не стал тянуть, отправился напрямик в клуб.

Взбежал по ступенькам, распахнул дверь и небрежно кивнул вахтеру, но хмурый здоровяк отлип от стены, которую подпирал до того, и загородил дорогу.

— Вход только по студенческим билетам.

— Серж, ты чего? — опешил я. — Это же я! Петр Линь! Я член клуба!

— Вход только по студенческим билетам! — упрямо повторил вахтер.

Я порывлся по карманам и достал карточку среднего Специального энергетического училища, но этот документ здоровья не устроил.

— Нет студенческого билета — на выход! — отрезал он.

У меня внутри все так и перевернулось, а от обиды и все-ленской несправедливости защипало глаза, но на попятный я идти не собирался.

Ну уж нет! Только не сегодня!

Сейчас я тебе покажу — студенческий билет!

ГЛАВА 2

Стыд и замешательство всколыхнулись и пропали, на смену им пришла безрассудная злость. Аж перекрутило всего, до того захотелось по наглой морде вахтера кулаком приложиться.

— Да ты издеваешься?! — вырвалось у меня.

Я шагнул вперед, и тогда откуда-то сбоку вынырнул рыжеволосый напарник Сержа.

— Правила есть правила, — примирительно развел он руками. — Не мы их устанавливаем.

Злость отступила в момент, будто дурной припадок отпустил. В сложившихся обстоятельствах затевать драку было не лучшей идеей, вот и заставил себя разжать кулаки, спросил:

— А кто? Кто устанавливает правила?

— Председатель клуба.

Я нахмурился, но сразу припомнил имя спортивного старшекурсника с кафедры пиковых нагрузок.

— Яков, да? Он сейчас здесь? Позовите его!

— Всенепременно, — с какой-то очень уж зловещей многозначительностью проронил Серж, распахнул внутреннюю дверь и скрылся в зале.

Я не стал торчать столбом посреди вестибюля, отошел к гардеробу, оперся поясницей о его стойку. Не столько желал

придать себе невозмутимый вид, сколько в попытке замаскировать дрожь в коленках.

— Что за дела, а? — обратился я к рыжему вахтеру. — Что за нововведения?

Тот ничего не сказал, лишь головой покачал.

Я отвернулся, заглянул в дверь. Насколько удалось разглядеть, столы уже были накрыты, но пока еще преимущественно пустовали, а немногочисленные посетители толпились у бара.

— Поприветствуем же нашего почетного йога, владыку гроссбухов, повелителя счетов и непревзойденного жонглера цифрами, благодаря милости которого нам начисляется стипендия! — донеслось оттуда. — Михаил Прокопьевич сегодня выступит с рассказом о своем путешествии в горный Джунго и поисках истинного источника!

Раздались аплодисменты, и стройный мужчина лет сорока пяти с собранными в косицу волосами, длинными и черными, всплеснул руками.

— Ну что вы в самом деле! Ну какой истинный источник, право слово? — рассмеялся он. — Истинный источник находится внутри каждого из нас, нужно лишь достичь состояния просветления. И для вхождения в сатори вовсе не обязательно годами медитировать в горных храмах. Любой может прийти к этому, главное — найти свой путь. Так сказал гуру Махат Атман, а он — великий мудрец. Известно ли вам, что он последовательно проходит реинициации в источниках сверхсилы от самого слабого километрового пятна в Пахарте и стал первым иностранцем, коему оккупационная нихонская администрация дозволила настроиться на захваченную ими аномалию? За его восхождением следит весь мир, и я счастлив сообщить, что и айлские бюрократы пошли навстречу нашему коллективному прошению!

В этот момент вахтер привлек внимание председателя студенческого клуба, и они оба двинулись к выходу из зала.

— Яков, тут какое-то недоразумение... — начал было я, но по выражению лица старшекурсника вмиг понял: никаким недоразумением тут и не пахнет.

— О чем ты? — свысока глянул на меня председатель клуба.

— Меня не пускают.

— У нас студенческий клуб. Он для студентов! — заявил Яков, скрестил на груди руки и поставил вопрос ребром: — Ты — студент?

— Но я же...

— Ты — студент?

Челюсти словно свело, едва сумел выдавить из себя:

— Нет.

— Ну так и чего ты хочешь? Нам тут шпики не нужны!

Меня будто на тридцатиградусном морозе ледяной водой окатили.

— Ты о чем?

Яков презрительно скривился.

— Думал, не узнаем, что ты из комендатуры? Проваливай! А не уйдешь сам, выставят за дверь силой! У нас частное заведение!

На виске часто-часто забились жилки, в глазах потемнело, захотелось заорать в голос и со всего маху приложиться кулаком по наглой холеной роже. Но — сдержался. Взял паузу, мысленно досчитал до пяти, потом сказал:

— Передай Нине, жду ее на улице.

— Передать?

В голосе председателя клуба сквозила откровенная издевка, и вновь накатил приступ бешенства, и вновь удержался, не сорвался на крик.

— Передай, и у меня не будет повода возвращаться.

Яков задумался, потом кивнул.

— Хорошо! А теперь убирайся!

Серж наметил движение вперед, и я не сдвинулся с места, мрачно уставился на него. Не дождался от вахтера решительных действий и вышел на улицу, мягко притворив за собой дверь. На деле хотелось долбануть ею со всей дури, но решил не терять лица.

А в голове в такт лихорадочному сердцебиению стучало: «Шпик! Шпик! Шпик!»

Я — шпик! И все об этом знают!

Но откуда? Я ведь с августа в комендатуре не числюсь! Что за ерунда?!

Далеко я уходить не стал, плюхнулся на ближайшую скамейку, пристально уставился на вход в клуб. Из рта облачками пара вырывалось дыхание, но холодно мне не было. В воздухе невесомые снежинки кружатся, а мне — жарко. И душно. Дышу и никак надышаться не могу.

Нина! Нина тоже знает!

От этой мысли во рту стало кисло, аж зубами скрипнул.

Дерьмо! Вот же дерьмо! Она выйдет вообще?

Усомнился в этом, но — вышла. Нина порывисто сбегала с крыльца, и я вскочил с лавочки, поспешил ей навстречу, но только протянул руку, и студентка резко отпрянула.

— Не трогай меня!

Я замер на месте, пересилил себя и спросил:

— Нина, да что такое?

— Сам будто не знаешь! — чуть ли не выкрикнула девчонка, тушь которой потекла и размазалась от слез. — Ты меня обманул! Выставил полной дурой!

— Ты о чем вообще?

— Ты из комендатуры!

— Я — не из комендатуры, — ответил я полуправдой и поспешно добавил: — Нет, постой! Да не из комендатуры я, честно! И тебе я не врал! Я действительно учусь в энергетическом училище. Но еще — мотоциклист.

— В корпусе! — обвиняюще произнесла Нина.

Тут уж отпираться было бессмысленно, пришлось признать:

— Ну да.

— И ничего мне не сказал!

— Да просто речи не заходило. Слушай, я ведь ничего не скрывал — даже на мотоцикле приезжал. Помнишь?

— Но ты и не рассказал правды! — отрезала студентка. — Теперь все считают, что я обо всем знала и покрывала тебя!

Я ощутил иррациональное раздражение и едва не наговорил в ответ грубостей, каким-то чудом сдержался и со вздохом спросил:

— В чем покрывала? Служба в корпусе — это преступление? Ну извини — не знал!

— Служить — не преступление. А вот скрывать это — подло! Теперь все считают тебя шпиком, а меня — пособницей!

— Глупости какие! Тебе не плевать, кто что думает?

— Нет, не плевать! Видеть тебя больше не желаю!

Нина развернулась и убежала в клуб, а я немного еще постоял перед крыльцом, затем вернулся к скамейке, уселся на нее и откинулся на спинку. Расстроился ужасно. Такие планы на этот вечер были — и все псу под хвост отправилось. Нинку еще расстроил, испортил ей праздник.

Я сунул руку во внутренний карман, смял цветастую упаковочную бумагу и отправил ее в урну, следом выкинул и картонную коробочку. В руке остался зажат стеклянный шарик величиной со сливу, за толстыми стенками которого подрагивала капля чувствительной к сверхэнергии грязи. Зажав безделушку в кулаке, я начал набирать потенциал и сразу ощутил, как шар едва заметно дрогнул и принялся выворачиваться из пальцев. Тогда усилил хватку и начал бездумно крутить кистью. Стекло нагрелось, от него начало распространяться приятное тепло — для медитации лучше и не придумаешь.

Такие вот сувениры из отработанной субстанции изготавливала в госпитале троица аспирантов, мне по знакомству они уступили пару шариков за полцены. Хотел подарить один Нинке, и вот оно как получилось.

И все же — какая тварь сдала? Как же так вышло, а?

Не знаю, сколько времени провел, погрузившись в легкий транс, очнуться заставил хлопок по плечу.

— Пьер, дружище! А ты чего внутрь не заходишь?

— О, Карл! Привет! — Я поднялся на ноги, ответил на рукопожатие и указал на клуб. — Иди, там расскажут.

— С Нинет, что ли, поссорились?

— И это тоже, — подтвердил я и уселся обратно на скамейку.

— Ты сегодня такой загадочный! — хохотнул Карл и попросил: — Не уходи никуда только, я сейчас Мэри заберу и выйду.

Мне было все равно, но все же уточнил:

— И куда собрались?

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. РЕКУПЕРАЦИЯ	5
Часть вторая. АТТЕСТАЦИЯ	142